

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ МУРАВЬЕВЪ.

1854 — 1856.

De mortuis aut bene, aut nihil, говорила еще древняя, языческая пословица; а у насъ даже и чрезъ семь лѣтъ послѣ того, какъ человѣкъ, исполненный заслугами отечеству, сошелъ съ своего земнаго поприща, еще стараются запятнать (?) добрую о немъ память. Нельзя не подивиться, что „Русская Старина“, доселѣ столь разборчивая въ выборѣ своихъ статей, могла рѣшиться принять на свои страницы такую статью, которая домогается бросить тѣнь на личность, уже принадлежащую минувшему, можно сказать русской старинѣ, ибо такіа характеристическія личности не часто являются въ настоящемъ. Конечно, ни у одного русскаго воина, въ какомъ бы онъ званіи ни былъ, не поднялась бы рука написать подобную клевету (?) на доблестнаго ветерана, начавшаго Хивую и окончившаго Карсомъ, съ которымъ усвоился онъ во мнѣніи народномъ; на это могъ рѣшиться одинъ лишь гражданскій чиновникъ, съ канцелярскими взглядами, смѣло обсуживающій не только стратегическія дѣйствія, но и воинскія достоинства заслуженнаго человѣка.

Хотя лучшимъ отвѣтомъ на такого рода статью было бы молчаніе, достойно ее оцѣняющее, нельзя, однако-жъ, и оставаться равнодушнымъ къ столь неприличнымъ нареканіямъ и долгъ совѣсти побуждаетъ написать хотя нѣсколько словъ въ защиту осуждаемаго еще при свѣжей памяти его дѣяній.¹⁾

---

¹⁾ Въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г. (т. VIII, стр. 599—632) напечатано собраніе писемъ покойнаго Н. Н. Муравьева къ кн. В. О. Бебутову за время 1855 г. Этими письмами, сообщеннымъ предсѣдателемъ Кавказской Археографической Комиссіи А. П. Берже, предпослана его же небольшая статейка: «Н. Н. Муравьевъ во время его намѣстничества на Кавказѣ 1854—1856 гг.»

Статейка эта, выражая личное мнѣніе автора о нѣкоторыхъ чертахъ ха-

Не надобно имѣть какихъ-нибудь стратегическихъ познаній, чтобы возражать на сію бездоказательную статью, которая скорѣе падаетъ на того, кто ее писалъ, нежели на того, противъ кого она писана. Для ея опроверженія не слѣдуетъ только выходить изъ собственныхъ ея предѣловъ, потому что она сама себя уничтожаетъ своими противорѣчіями. За одно лишь нельзя не поблагодарить ея автора: это за драгоцѣнные письма бывшаго намѣстника изъ-подъ Карса князю Бебутову, которыя, можетъ быть, остались бы не извѣстными для многихъ, тогда какъ въ нихъ рѣзко обличаются, самими фактами, всѣ пристрастные обвиненія.

Такъ какъ писавшій эти письма къ своему старому сослуживцу никакъ не подозрѣвалъ, что они когда-либо увидятъ свѣтъ, то онъ откровенно изливалъ въ нихъ, особенно послѣ неудачнаго штурма, всѣ свои душевные чувства и скромно просилъ совѣтовъ: это показываетъ, что онъ способенъ былъ принимать ихъ, хотя его собственно упрекаютъ въ противномъ. А между тѣмъ, какую административную предусмотрительностью преисполнены всѣ сіи письма! Если неудачное письмо къ А. П. Ермолову не безъ тайной цѣли было

рактера и общественной дѣятельности покойнаго генерала, вызвала возраженіе одного изъ лицъ, находившагося въ близкихъ отношеніяхъ къ Н. Н. Муравьеву.

«Русская Старина», руководясь неизмѣннымъ своимъ правиломъ — относиться ко всѣмъ мнѣніямъ объ историческихъ лицахъ и событіяхъ съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ, даетъ мѣсто на своихъ страницахъ поманутому возраженію и, согласно желанію его составителя, не выпускаетъ изъ статьи ни одного слова... Сомнѣваемся однако, чтобы возраженіе или опроверженіе статьи г. Берже отъ этого бы выиграло: бранныя слова никогда никого и ни въ чемъ не убѣждали, и мы искренно сожалѣемъ, что защитникъ побѣдителя Карса не сумѣлъ воздержаться отъ рѣзкихъ выходокъ. Вполнѣ увѣрены, что они не огорчатъ достопочтеннаго предсѣдателя Кавказской Археографической Комиссіи, заслуги котораго отечественной исторіи должны бы вызвать больше сдержанности со стороны его опонента; точно также не принимаетъ и «Русская Старина» обвиненія въ помѣщеніи на своихъ страницахъ клеветы, что взводить на нее защитникъ Н. Н. Муравьева. Смѣемъ думать, что въ пять лѣтъ, уже прожитыхъ нашимъ изданіемъ, оно достаточно ознакомило своихъ читателей съ характеромъ и цѣлью своей дѣятельности: онѣ состоятъ въ честномъ, неуклонномъ служеніи исторической правдѣ, служеніи, чуждомъ малѣйшаго пристрастія и увлеченій. Мы помѣщаемъ и будемъ помѣщать разнорѣчныя, верѣдко совершенно противоположныя, отзывы о лицахъ и событіяхъ, подлежащихъ суду отечественной исторіи, но только потому, что этотъ судъ — чтобы быть праведнымъ и не лицемернымъ — долженъ видѣть предъ собою обѣ стороны, долженъ спокойно выслушивать и хвалу, верѣдко восторженную, и порицаніе, зачастую рѣзкое... Гдѣ же и въ чемъ тутъ клевета? гдѣ ея распространеніе?

Ред.

предано гласности, по мнѣнію автора, то уже въ этихъ письмахъ нельзя подозрѣвать никакихъ заднихъ мыслей, всѣ они дышутъ одною лишь настоящею практикою, и кажется, могли бы изгладить то непріятное впечатлѣніе, какое было произведено первымъ письмомъ изъ крѣпости Грозной. Послѣ сего краткаго предисловія, приступимъ къ разбору самой статьи.

Что же встрѣчаемъ мы на самой первой страницѣ? Авторъ утверждаетъ, — потому только, что онъ самъ въ томъ убѣжденъ, какъ служившій въ канцеляріи кн. Воронцова, — что новый намѣстникъ безъ мѣры обрадовался своему назначенію, съ одной стороны, изъ видовъ удовлетворенія чрезвычайному своему честолюбію; съ другой же, чтобы свести счеты съ нѣкоторыми изъ своихъ недоброжелателей, въ числѣ коихъ самое видное мѣсто занималъ кн. Воронцовъ. Но кто же внушилъ автору такую прощипательность? И столь рѣзко выраженное имъ пристрастіе на первыхъ строкахъ его статьи не обличаетъ-ли уже, въ какомъ духѣ будетъ написано все прочее? Всѣ тѣ, которые знали покойнаго Н. Н. Муравьева, несмотря на тѣ слабости и недостатки, какимъ подверженъ каждый человѣкъ, отдавали ему полную справедливость, что во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни онъ былъ всегда рыцаремъ чести и отличался благороднымъ забвеніемъ обидъ, а не мстительностію. Слѣдовательно, видѣть въ столь высокомъ назначеніи удобный случай свести счеты съ своими бывшими недругами, — не было въ его духѣ и характерѣ. Если же его честолюбіе, равно какъ и всякаго другаго, могло быть удовлетворено намѣстничествомъ Кавказа, то любовь къ отечеству и преданность своему государю, конечно, были у него выше всякаго честолюбія, — и это онъ доказалъ во всю свою службу.

Авторъ, однако, самъ невольно сознается, что прежняя служба Н. Н. Муравьева на Кавказѣ, участіе въ походахъ Персидскомъ и Турецкомъ, посольство въ Хиву и Египетъ, стоянка на Босфорѣ и проч., все это, взятое вмѣстѣ, заставило въ Россіи смотрѣть на него, какъ на замѣчательный военный талантъ. Да и могло-ли быть иначе, если по дѣйствіямъ судить о человѣкѣ? Кромѣ того еще, по словамъ автора, онъ пользовался репутаціею строгаго, но справедливаго начальника и человѣка не только образованнаго, но и по тогдашнему времени даже ученаго и хорошаго оріенталиста. Еще-ли этого мало? Такая репутація не приходитъ слѣпо, но основывается на многолѣтнемъ опытѣ. Не надобно забывать и того, что начало этой репутаціи приобрѣлъ онъ на Кавказѣ, гдѣ провелъ 20 лѣтъ своей службы; и вотъ, однимъ почеркомъ канцелярскаго пера, все сіе опрокидываетъ строгій его критикъ, присовокупляя, что не такъ, однако, смот-

рѣлъ на него Кавказъ, который помнилъ только его педантическій, суровый характеръ,—и потому большая часть кавказцевъ со страхомъ и трепетомъ ожидала новаго намѣстника. Но такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ?

Что Муравьевъ былъ дѣйствительно педантически строгъ и, можно даже сказать, суровъ по службѣ,—это совершенно справедливо; но ни для кого не былъ онъ столько строгъ, какъ въ отношеніи самаго себя, при точномъ и, можно сказать, педантическомъ исполненіи своего долга. Онъ готовъ былъ всегда жертвовать собою для пользы службы и до мелочи исполнялъ всѣ возложенныя на него порученія; такою настойчивостью преодолевалъ онъ всѣ препоны. Первымъ тому свидѣтельствомъ послужила, еще при началѣ его кавказской службы, Хива, гдѣ едва онъ не сложилъ голову, но возвратился съ честью и успѣхомъ, и это послужило прочнымъ основаніемъ его служебной репутаціи. Теперь, когда мы ближе узнали Хиву, можемъ лучше оцѣнить его геройскій подвигъ. Столь же успѣшно было, хотя менѣе опасно, его посольство въ Египетъ къ Мегметъ-Али-пашѣ, въ самую апогею его величія, когда уже войско его шло въ Царьграду опрокинуть тронъ султана. Какъ нѣкогда легатъ Рима Помпилій, посланный отъ сената смирить одного изъ властителей Азіи, очертилъ около него завѣтный кругъ своимъ жезломъ и сказалъ: „не выйдешь, доколѣ не покорисься“, такъ и посланный отъ имени русскаго царя, безъ всякаго оружія, однимъ лишь твердымъ словомъ, принудилъ пашу остановить свое войско въ Анатоліи и отложить свои честолюбивые планы; а потомъ, ставъ твердою ногою на Босфорѣ, уже какъ военачальникъ, доказалъ ему свою готовность—отразить всѣ его замыслы. Сколько тутъ силы характера и умѣнья обращаться съ Востокомъ! И мудрено-ли, что такое блистательное исполненіе возложеннаго на него труднаго порученія еще болѣе возвысило общее къ нему довѣріе! Не стану исчислять всей его служебной дѣятельности и въ мирное время, и въ походахъ; скажу только, что нигдѣ не измѣнилъ онъ своему характеру.

Если же назначеніе на Кавказъ послѣдовало, какъ сознается самъ авторъ, по недоразумѣніямъ и несогласіямъ, возникшимъ послѣ выѣзда кн. Воронцова между командовавшимъ кавказскимъ корпусомъ, Реадомъ, и начальствовавшимъ надъ войсками на турецкой границѣ кн. Бебутовымъ, т. е., между двумя главными вождями всего края, то надобно вспомнить, въ какую это было минуту. Тогда Турки сильными массами громили нашу границу; намъ угрожала опасность потерять всю западную часть Закавказья и даже боялись за Тифлисъ. Когда же, если не въ такое роковое время, необходимо было выка-

затѣ всю свою энергію и возстановить потрясенную дисциплину? И въ эту минуту былъ дѣйствительно назначенъ намѣстникомъ Н. Н. Муравьевъ, вызванный изъ Царства Польскаго въ столицу, сперва не для Кавказа, а для Финляндіи, которой угрожали Шведы.

Авторъ весьма кратко говоритъ, что Муравьевъ, пробывъ 10 дней въ Ставрополѣ, поѣхалъ сперва на правый флангъ линій, а потомъ на лѣвый, въ крѣпость Грозную, откуда написалъ извѣстное письмо свое къ Ермолову, которое надѣлало столько шума и неудовольствій.¹⁾ Какія же причины столь невыгодно на него повліяли, и отчего оставался онъ болѣе мѣсяца по сю сторону Кавказа? авторъ не объясняетъ, занятый болѣе этимъ несчастнымъ письмомъ, котораго гласность возлагаетъ на самаго писавшаго. Но сколько намъ извѣстно, не даромъ провелъ новый намѣстникъ цѣлый мѣсяцъ на Кавказской линіи. Онъ останавливался тамъ въ полковыхъ штабахъ и старался, по спискамъ, собрать всѣхъ разбѣянныхъ по хозяйственнымъ заведеніямъ въ и неправильныхъ командировкахъ солдатъ, такъ какъ ему извѣстно было это давнее злоупотребленіе на Кавказѣ. Такимъ образомъ онъ могъ собрать до 16,000 человекъ, которые только числились въ войскахъ, будучи употребляемы на частныя работы. Мудрено-ли послѣ сего, что и начальникъ дивизіи, допускавшій подобныя безпорядки, скоростижно скончался, если только не постигла его сама-собою преждевременная смерть, которую, однако, авторъ, по непріязненнымъ слухамъ, приписываетъ грозному появленію намѣстника въ ввѣренный ему край? Мудрено-ли также, что и самъ намѣстникъ, глубоко взволнованный такимъ упадкомъ военной дисциплины, при несогласіи главныхъ вѣдѣй, вспомнилъ бывшія времена Ермолова, предъ его скромной землянкой—въ крѣпости Грозной, и излилъ свою душу въ горькихъ выраженіяхъ о настоящемъ маститому дѣятелю славныхъ дней Кавказа, который нѣкогда былъ его начальникомъ¹⁾?

Если это письмо, неосторожно имъ оглашенное, и произвело много шума, то весьма естественно, что онъ не хотѣлъ отвѣчать на рѣзкія противъ него возраженія, дабы не взойти въ неприличную полемику съ своимъ подчиненными, что поколебало бы его начальственный авторитетъ. Онъ предпочелъ отвѣчать дѣломъ, а не словомъ, и дѣйствительно показалъ на самомъ дѣлѣ, чего можно было ожидать отъ него на Кавказѣ. Замѣчательно, что во все время двухлѣтняго своего намѣстничества, несмотря на военныя обстоятельства, Н. Н. Муравьевъ не потребовалъ отъ правительства ни войска,

¹⁾ См. это письмо въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г., т. VI, стр. 542—543, и отвѣтъ на него кн. Святополка-Мирскаго, тамъ же, стр. 544—546.

ни пороха, ни денегъ, довольствуясь тѣмъ, что нашель; онъ даже оставилъ послѣ себя значительный капиталъ, уплативъ всѣ найденные имъ долги, тогда какъ прежде него всего казалось мало и постоянно требовались новыя пособія. Не доказываетъ-ли это большую его распорядительность и опытное знаніе мѣстности, людей и запасовъ? Онъ часто говаривалъ, что легче одерживать побѣды, нежели обезпечивать продовольствіе и устраивать госпитали.

Не менѣе достойно вниманія и то, что во все это время не трогался Шамиль, хотя ему весьма удобно было бы воспользоваться военными обстоятельствами въ отсутствіи намѣстника и даже неудачею его подъ Карсомъ. Но въ этомъ случаѣ Азіаты гораздо мудрѣ Европейцевъ и опытнѣе судятъ о людяхъ; военная репутація Муравьева была ему извѣстна съ давнихъ поръ; видя, при самомъ его вступленіи на новое поприще, чрезвычайную его бдительность на линіи и введеніе повсюду строгаго порядка, хитрый горецъ понималъ, что его покушенія будутъ напрасны и могутъ отозваться ему въ послѣдствіи; посему онъ предпочелъ оставаться въ покоѣ до рѣшенія Турецкой войны. А между тѣмъ, въ какой были бы мы крайности, если бы съ одной стороны громилъ насъ Шамиль, а съ другой—Омертпаша, когда мы сами были заняты подъ Карсомъ? Чему же иному приписать такое бездѣйствіе нашего закоснѣлаго врага? Но и это не бросилось въ глаза строгому критику!

Затѣмъ онъ описываетъ прибытіе намѣстника въ Тифлисъ, которое совпадало съ печальною вѣстію о кончинѣ Государя, и говоритъ, какое тяжкое впечатленіе произвело на всѣхъ мрачное явленіе новаго строгаго начальника послѣ блистательныхъ и свѣтлыхъ дней десятилѣтняго управленія кн. Воронцова. „Тяжелою стопою ступилъ онъ на нашу почву и не видать намъ отъ него добра“, такъ, будто бы, выражалось общественное мнѣніе! Многие изъ окружавшихъ князя стали собираться въ Россію; на всѣхъ напалъ паническій страхъ и всѣ съ трепетомъ ожидали перваго представленія, не зная, въ чемъ и какъ явиться. Если справедливъ, однако, рассказъ его о дерзкомъ отвѣтѣ, какой позволилъ себѣ сдѣлать, на первыхъ же порахъ, комендантъ Тифлиса новому намѣстнику, то уже этотъ одинъ случай могъ бы внушить ему необходимость быть строгимъ съ подчиненными. Авторъ увѣряетъ, что комендантъ, на вопросъ намѣстника, почему не объявилъ онъ наканунѣ его пріѣзда гарнизону о кончинѣ государя, какъ ему было приказано? отвѣчалъ: „я не могъ на это рѣшиться: вотъ если бы умерли вы или я, то это другое дѣло“. Муравьевъ только нахмурился и отошелъ. Мудрено этому повѣрить; тоже самое могло быть сказано, только инымъ тономъ и въ другихъ словахъ; иначе

какъ допустить, съ одной стороны, такую дерзость, а съ другой—такую слабость, особенно въ такомъ суровомъ начальникѣ, какимъ описываютъ намѣстника?

При первомъ представленіи чиновниковъ — опять непріятная выходка: извѣстному писателю нашему гр. Соллогубу намѣстникъ говорить: „Вы авторъ „Тарантаса“, и такъ можете въ него сѣсть и ухъать“. Если это справедливо, то подобная шутка была весьма неумѣстна и нельзя о томъ не пожалѣть, хотя можетъ быть, видя, какая праздная толпа чиновниковъ безъ всякой нужды окружала его предмѣстника, новый начальникъ старался ее разсѣять, оставивъ при себѣ только людей дѣловыхъ. А каково было это блистательное общество и какъ держало оно себя въ отношеніи главнаго своего начальника, можно о томъ судить по разсказу самаго автора. „Такая разительная противоположность“, пишетъ онъ, „съ недавно-минувшимъ, которое, повидимому, уже было такъ далеко позади насъ! Бывало при кн. Воронцовѣ, не только гдѣ-нибудь въ отдаленной комнатѣ того же дома, но даже въ адъютантской, сосѣдней съ кабинетомъ, во время самаго доклада, слышались громкій говоръ, смѣхъ и шутки, отдавашіеся даже въ кабинетъ, вмѣстѣ съ табачнымъ дымомъ, который подымался, какъ говорятъ, коромысломъ. Помнится мнѣ, какъ однажды вн. Михаилъ Семеновичъ, войдя въ адъютантскую, полою сюртука старался разсѣять облако дыма, чтобы въ числѣ другихъ отыскать одного изъ приближенныхъ. И все это сходило съ рукъ, какъ будто оно такъ и должно быть“.

Предоставляю на усмотрѣніе каждаго благомыслящаго: до какой степени прилична и могла-ли быть терпима подобная распущенность подчиненныхъ предъ своимъ начальникомъ? и если на это снисходительно смотрѣлъ маститый магнатъ при своей европейской славѣ, которая ставила его выше всякихъ мелочей, то не могъ быть равнодушенъ къ такому настроенію новый начальникъ края, собственно для того и назначенный, чтобы подтянуть все, что было распущено.

Далѣе слѣдуетъ на него жалоба за то, что онъ велѣлъ отказывать многочисленнымъ просительницамъ изъ туземнаго населенія, которыхъ пріучилъ его предмѣстникъ ежедневно являться съ просьбами о пособіи. Но то, что возможно роскошному вельможѣ, было совершенно недоступно его преемнику, весьма ограниченному по своимъ средствамъ.

Случай съ солдатомъ, который остановилъ на улицѣ намѣстника, прося себѣ защиты противъ ближайшаго начальника, и данный ему отвѣтъ: „что самъ лично разсмотритъ его дѣло, но строго накажетъ, если жалоба не справедлива“, свидѣтельствуешь болѣе въ пользу на-

мѣстника, нежели противъ него. Это доказываетъ простоту его обращенія и доступность, при строгомъ, однако, соблюденіи дисциплины.

Анекдотъ съ академикомъ Беромъ довольно оригиналенъ. Весьма простительно намѣстнику, занятому въ то время военными обстоятельствами и голодомъ край, не обратить вниманія на ученныя изысканія профессора о умноженіи рыбы въ Каспійскомъ морѣ, тѣмъ болѣе, что много подобныхъ изыскателей природы странствовало по Грузіи. Кажется, это болѣе вина правителя канцеляріи или дежурнаго адъютанта, что намѣстникъ не былъ предвarenъ, какъ слѣдуетъ, о явленіи ученаго Бера. Во всякомъ случаѣ, онъ на другой же день исправилъ свою ошибку, отдавъ ему визитъ, и такою учтивостію могъ достаточно доказать, что нельзя къ нему примѣнить названіе Вандаля.

Наконецъ, вотъ и послѣдній анекдотъ, приводимый авторомъ, гдѣ уже онъ самъ является на сценѣ,—и этотъ случай обнаруживаетъ только, что было причиною той желчи, какую излилъ онъ противъ Николая Николаевича. Будучи назначенъ, по милости намѣстника, въ персидское посольство, какъ знающій восточные языки, онъ былъ приглашенъ съ прочими членами миссіи къ его столу, и чѣмъ же заплатилъ за такое вниманіе? Весьма естественно, что Муравьевъ, какъ ориенталистъ, пожелалъ знать: гдѣ научился онъ восточнымъ языкамъ? и усумнился, чтобы можно было въ университетѣ практически ихъ изучить. Такое сомнѣніе оскорбило самолюбіе чиновника; когда же, по другому вопросу, произошло недоразумѣніе въ одномъ арабскомъ словѣ, по неопредѣленности его произношенія, чиновникъ осмѣлился съ своей стороны сдѣлать рѣзкое замѣчаніе намѣстнику, „что надобно опытно изучить языкъ прежде, нежели о немъ судить“, и получилъ за это заслуженный нарекъ: „не забыватья предъ своимъ начальствомъ“. И такъ, вотъ причина неумолимой его злобы, даже семь лѣтъ спустя послѣ кончины намѣстника!

Истощивъ запасъ анекдотовъ, авторъ изъ глубины своей канцеляріи начинаетъ уже, какъ опытный стратегикъ, судить о военныхъ дѣйствіяхъ намѣстника подъ Карсомъ, и смѣло утверждаетъ, что если бы онъ оставилъ тамъ князя Бебутова начальствовать вмѣсто себя надъ войсками, то, конечно, не произошло бы несчастнаго штурма, потому что князь, по своей благоразумной осторожности, ничего бы не предпринималъ безъ совѣта. Муравьевъ же съ завистію смотрѣлъ на военные подвиги стараго своего сотоварища, и потому собственно удалилъ его изъ-подъ Карса, хотя и съ блестящимъ о немъ отзывомъ, поручивъ ему управленіе краемъ въ Тифлисѣ. Самъ онъ (по догадкѣ опытнаго чиновника) думалъ, взявъ Карсъ, пройти въ Имеретію и разбить Омеръ-пашу, чтобы получить фельдмаршалъ-

скій жезль. Тутъ онъ распространяется о военныхъ способностяхъ Бебутова, утверждая: „что князь одаренъ былъ ими несравненно болѣе, чѣмъ Муравьевъ, который не выдвигался изъ числа людей самыхъ обыкновенныхъ, не имѣлъ почти никакого понятія объ администраціи и нигдѣ не заявилъ своихъ военныхъ дарованій на практикѣ, несмотря на свои теоретическія познанія, чему свидѣтелемъ штурмъ Карса“.

Объ этомъ штурмѣ приводитъ онъ свидѣтельство плѣннаго генерала Вильямса, который будто бы заявлялъ въ Тифлисѣ, что одни только сумасшедшіе могли безъ шапинъ и безъ лѣстницъ идти на штурмъ крѣпости, которая и безъ того должна бы сдать ся чрезъ нѣсколько дней (однако, она простояла еще два мѣсяца). Онъ присовокупляетъ: „что Муравьевъ считалъ себя непогрѣпимымъ, пренебрегая мнѣніями людей, стоявшихъ ниже его въ служебной іерархіи, хотя и болѣе его опытныхъ въ боевомъ дѣлѣ; такое самообольщеніе и привело его къ печальной, кровавой развязкѣ Карскаго штурма“. Этимъ заключаетъ онъ свой рассказъ о военныхъ дѣйствіяхъ памѣтника и дополняетъ только свои рѣзкія сужденія картиною жестокаго голода въ Тифлисѣ, который также поставляетъ ему въ вину, хотя всю администрацію края завѣдывалъ князь Бебутовъ, тогда какъ самъ памѣтникъ, съ весны и до глубокой осени, былъ задержанъ подъ Карсомъ.

Любопытно однако, что на концѣ своей статьи, печатая письма памѣтника князю Бебутову, какъ бы въ подтвержденіе своего мнѣнія, онъ считаетъ пужнымъ оговориться такимъ образомъ: „въ очеркѣ нашемъ упоминается, между прочимъ, о педовѣрчивости Муравьева и о той увѣренности въ своемъ умѣ, вслѣдствіе которой онъ не уважалъ чужихъ мнѣній, тогда какъ въ приводимыхъ ниже письмахъ, онъ не только обращается за совѣтами къ князю Бебутову, но даже какъ будто отдаетъ преимущество его знапіямъ и опытности. Очевидно, что одно съ другимъ не согласуется“. (Насилу-то сознался въ своихъ противорѣчіяхъ, и какъ же послѣ этого вѣрить его сужденіямъ? Однако, онъ имѣетъ духъ продолжать): „Мы объясняемъ это кажущееся противорѣчіе такъ: Муравьевъ дѣйствительно спрашивалъ у князя Бебутова совѣта, но только по тѣмъ вопросамъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь шла о дѣлахъ, такъ сказать, второстепенныхъ. Такъ, напримѣръ, по блокадѣ и штурму Карса онъ дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, и если обращался къ нѣкоторымъ лицамъ за совѣтами, то никакъ не къ князю Бебутову; совѣтами же другихъ не только не пользовался, но положительно пренебрегалъ ими; а потому и самое увѣреніе Муравьева, въ одномъ изъ писемъ, что штурмъ

Карса былъ долго обдуманъ и рѣшенъ, должно быть отнесено собственно къ нему самому; винить же въ неудачѣ другихъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія“ (но онъ никого и не обвинилъ, а все великодушно бралъ на себя). „Наконецъ, если даже допустить, что Муравьевъ былъ искрененъ къ князю Бебутову, то искренность эта была вынужденною по извѣстной поговоркѣ, что одинъ въ полѣ не воинъ“.

И такъ, обратимся къ подлиннымъ письмамъ намѣстника, чтобы узнать истину. Если же я привелъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ непріязненной статьи, которая непріятно даже и повторять, то единственно для того, чтобы показать, до какой степени могутъ увлечь заносчивость и пристрастіе челоуѣка, который позволяетъ себѣ обсуждать то, что ему не по силамъ.

Что же мы видимъ въ самомъ первомъ письмѣ изъ-подъ Карса, еще за нѣсколько дней до штурма, слѣдственно въ такое время, когда намѣстникъ былъ еще въ полномъ блескѣ и могъ дѣйствовать съ большею самонадѣянностію? Онъ пишетъ къ князю Бебутову, что можетъ имѣть достаточныя свѣдѣнія о томъ, что у нихъ дѣлается, изъ его писемъ военному министру, которая постоянно посылаетъ ему открытыми. Какой начальникъ рѣшился бы на такую откровенность въ отношеніи своихъ подчиненныхъ? и гдѣ же та недовѣрчивость, въ которой его такъ жестоко упрекаютъ? Замѣчательно второе письмо, недѣлю спустя послѣ штурма. Оно дышетъ тою же откровенностію, потому что Н. Н. Муравьевъ ничего не умѣлъ скрывать, чтобы только блеснуть или себя выказать, но всегда готовъ былъ дѣйствовать искренно, даже во вредъ себѣ, мало заботясь о томъ: поймутъ его или нѣтъ? потому что слушался одного лишь голоса своей совѣсти.

„Я не писалъ къ вамъ особо“, говоритъ онъ опять князю Бебутову, „потому что мои открытыя письма къ министру довольно объясняютъ вамъ положеніе дѣлъ нашихъ; конечно, чувствительны потери, но изъ семи тысячъ многіе остались во фронтѣ и легко раненные, надѣюсь, скоро возвратятся. Непріятель имѣлъ, безъ сомнѣнія, до четырехъ тысячъ утраты невозвратной. Блокада восстановлена была въ день штурма въ томъ же порядкѣ, какъ прежде; теперь все зависитъ отъ времени и погоды“.

„Въ Эрзрумъ ожидаютъ, по слухамъ, прибытія Омеръ-паши безъ войска; въ Батумѣ не могло высадиться болѣе двѣнадцати тысячъ, но тамъ грозныя милиціи Гуріи и Мингреліи. Войска здѣсь очень бодры. Чинимся и въ этомъ вы намъ помогите, такъ же какъ помогли намъ въ сухаряхъ; нужны и скоро лекаря, фельдшеры, штабъ-

и оберъ-офицеры. Пособите намъ тоже развозомъ раненныхъ, пока еще стоитъ погода хорошая, по дальнимъ госпиталямъ. Пошлите офицеровъ распорядительныхъ, чтобы выслать изъ гренадерскихъ штабъ-квартиръ людей, которые тамъ напрасно проживаютъ. Въ замѣщеніи должностей людьми способными ожидаю вашего совѣта, такъ какъ вы болѣе меня въ краѣ знакомы“.

Кажется, изъ этого письма видно, съ какимъ спокойнымъ духомъ намѣстникъ распоряжался и послѣ урона, и какъ скромно просить онъ себя совѣта. Но главная его забота, какъ и въ послѣдующемъ письмѣ, только о пострадавшихъ подъ Карсомъ. „Всего болѣе“, пишетъ онъ, „забочусь теперь объ отвозѣ и успокоеніи раненныхъ и о сборѣ фуража. Войска очень бодры и желаютъ новаго боя, и опять благодарю васъ за распоряженія о раненныхъ,—по доходящимъ до меня свѣдѣніямъ, они въ хорошемъ положеніи и съ бодрымъ духомъ“. О положеніи же Карса онъ не обманывалъ себя лестными надеждами. „По ходу дѣла и имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, можно полагать, что у Турокъ есть хлѣба скорѣе на двѣ недѣли, чѣмъ на два мѣсяца; но разсчитывать своими дѣйствіями я долженъ по послѣднему, дабы не ошибиться въ первомъ“ (и дѣйствительно, онъ не ошибся въ этомъ срокѣ). „Алармистовъ вездѣ и всегда бываетъ довольно. Этихъ людей утѣшеніе—всякая неудача, несмотря даже на то, касается-ли она общаго дѣла. Они же, можетъ быть, будутъ сожалѣть и объ успѣхѣ, если Богъ пошлетъ; изъ исхода дѣла вы видите, что обстоятельства не такъ дурны: есть войска, хлѣбъ, фуражъ и деньги,—нужно терпѣніе“.

Изъ этихъ словъ уже видно, что послѣ неудачнаго штурма, намѣстникъ долженъ былъ бороться не только съ внѣшнимъ непріателемъ, но и съ тайными врагами, которые были около него. И вотъ ему пришлось оправдываться даже и предъ своимъ старымъ сотоварищемъ, который укорилъ его въ нетерпѣніи за штурмъ. Письмо это исполнено смиренія и вмѣстѣ достоинства.

„Если“, пишетъ онъ, „обстоятельства заставили меня переимѣнить первоначальный планъ мой, то уже переимѣна эта не могла произойти отъ нетерпѣнія. Не буду повторять причинъ, побудившихъ меня къ штурму; это былъ общій голосъ, и вамъ причины эти довольно извѣстны изъ моихъ писемъ государю и военному министру. Меня удивило, что, послѣ 40 лѣтняго знакомства нашего, вы могли еще полагать во мнѣ недостатокъ терпѣнія,—качество, въ которомъ я изощренъ еще съ молодыхъ лѣтъ моихъ и въ которомъ, конечно, не способенъ уже измѣниться на 62 году моей жизни. Могли-ли вы полагать, что я побуждаемъ былъ мелочными видами—скорѣе приобрѣсти

славу, за которою и не думаю гнаться въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, имѣя въ предметѣ только пользу общаго дѣла и рѣшительно болѣе ничего. Повторяю, дѣло приступа было долго обсуждено, обдумано и рѣшено. Не упустилъ я тогда изъ виду, что въ случаѣ неудачи, будутъ пересуды; но это не могло меня остановить, какъ и теперь не измѣнять моего взгляда и моихъ дѣйствій сужденія другихъ послѣ совершившагося дѣла. Къ сожалѣнію, не слыхалъ я мнѣнія ихъ до дѣла. Не оскорбляюсь я вашимъ сужденіемъ, какъ чловѣка, мнѣ близкаго, но сожалѣю, что вы меня до сихъ поръ мало познали“.

Но не прошло и мѣсяца послѣ сего письма, исполненнаго столь тяжкихъ думъ и заботъ, и вотъ уже новымъ радостнымъ письмомъ извѣщаетъ онъ кн. Бебутова о свѣтлой побѣдѣ, увѣнчавшей успѣхомъ всѣ его военные планы, которою заключилась и самая кампанія. „15-го ноябрю всѣ условія сдачи подписаны, по довѣренности, данной Муширомъ Вилліамсу. Завтра передача, въ 10 часовъ утра, Муширъ-Киримъ-паша и Вилліамсъ со всѣми англичанами и всѣмъ войскамъ, военнопленные; 6,000 редифовъ, по обезоруженіи ихъ, будутъ отпущены въ дома, прочіе 11,000 возьмутся въ плѣнъ; вся артиллерія и все, что въ крѣпости есть, сдается по описямъ. Еще счета не сведены ни людямъ, ни оружію; множество оружія и имущества; 130 орудій. Не Карсъ отъ Омеръ-паши будетъ зависѣть, а Омеръ-паша отъ Карса. Поздравляю и обнимаю васъ. Пошлите поскорѣ денегъ Базину, чтобы хлѣба купить въ Ардаганъ; завтра, въ 10 часовъ, все должно кончиться, тогда и курьеръ“.

Остановимся на этомъ блистательномъ подвигѣ, который увѣнчалъ новыми лаврами заслуженнаго война уже па концѣ его славнаго поприща, сроднивъ на всегда съ его именемъ имя покореннаго имъ Карса! Для того, чтобы вполне оцѣнить всю его заслугу Россіи сокрушеніемъ сего крайняго оплота Турецкихъ и, можно сказать, ихъ союзныхъ силъ въ Азіи, надобно перенестись въ ту печальную эпоху, когда, послѣ паденія Севастополя, ничего уже насъ не радовало и грозныя тучи все мрачнѣе собирались на горизонтѣ. Радостная вѣсть о взятіи Карса электрически пронеслась по всей Россіи, возбудивъ общій восторгъ. Тѣ, которые были въ сѣверной столицѣ, или присутствовали въ царскихъ палатахъ на благодарственномъ молебнѣ за сіе славное торжество нашего оружія, могли быть свидѣтелями, какою неподдѣльною радостію были преисполнены сердца всѣхъ добрыхъ сыновъ Россіи, какими поздравленіями привѣтствовали они другъ друга, осыпая ими и семью виновника торжества! На улицахъ слышалось его имя и народъ кричалъ ему „ура!“ когда кавалергарды возили знамена, отбитыя подъ Карсомъ. И дѣйствительно, было чему

порадоваться, ибо этимъ блестящимъ трофеемъ, какъ славнымъ отголоскомъ Синопа, заключилась тяжкая для насъ война. Паденіе Карса заставило призадуматься враговъ нашихъ, особенно Англію, которой самыя вожди были взяты въ плѣнъ, потому что намъ открытъ былъ путь чрезъ Анатолію къ Царьграду,—и доблестный вождь Кавказа уже готовился къ сему походу, на который благопріятно смотрѣли христіанскія племена. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ, какъ послѣдовало неожиданное предложеніе мира; и сколь ни тягостны были для насъ его условія, но опытные дипломаты довольно знаютъ, что условія сіи были бы еще тягостнѣе, если бы Карсъ, громомъ своего паденія, не тяготѣлъ на пристрастныхъ вѣсахъ немилосердныхъ судей нашихъ. Воздадимъ же должное памяти его побѣдителя!

Любитель Кавказа и Закавказья.

Примѣчаніе. Вышенапечатанную статью мы имѣемъ въ двухъ спискахъ, оба они озаглавлены: «Памяти Н. Н. Муравьева. Отвѣтъ на статью «Русской Старины», октябрь 1873 г.». Первый списокъ полученъ въ январѣ 1874 г. — отъ воина, славнаго въ лѣтописи обороны Севастополя — гр. Д. Е. Остенъ-Сакена. Графъ сообщилъ эту статью «по порученію одного изъ друзей своихъ» съ просьбой—напечатать «въ отличномъ журналѣ, какова «Р. С.», но ничего въ статьѣ не измѣняя». Мы готовы были немедленно напечатать доставленную статью, но приостановились вслѣдствіе желанія самого гр. Дмитрія Ерофѣевича. Вслѣдъ затѣмъ, при посредствѣ г. Бибикова и кп. А. В. Шаховскаго, намъ доставленъ другой, совершенно одинаковый, списокъ той же статьи съ выраженіемъ желанія автора видѣть ее на страницахъ нашего изданія, что мы и исполнили.

Ред.

